

The illustration depicts a man with dark hair and a serious expression, wearing a dark trench coat over a light-colored shirt and a dark tie. He is holding a black rotary telephone receiver to his ear. The background is a stylized, painterly representation of a city street at night, with warm orange and yellow light from street lamps and buildings. A car is visible in the distance. The overall mood is noir and suspenseful.

**Валерий
ШАРАПОВ**

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

АД ДЛЯ ПРЕДАТЕЛЯ НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Контрразведка. Романы о секретной войне СССР

Валерий Шарапов

Девятый круг

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Девятый круг / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2023 — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР)

ISBN 978-5-04-185957-2

Начало восьмидесятых. На подмосковной даче оперативники задерживают ведущего конструктора секретного НИИ. В течение долгого времени он тайно передавал западным спецслужбам данные о наших стратегических разработках. На допросе выяснилось, что задержанный – лишь одно из звеньев сложной шпионской цепи. Основной же фигурант под псевдонимом Звонарь работает на головном предприятии в Сибири... Опергруппа КГБ во главе с майором Михаилом Кольцовым срочно выезжает на место. И сразу же сталкивается с убийством. При невыясненных обстоятельствах погибает замдиректора того самого сибирского предприятия. Кольцов уверен: Звонарь почувствовал опасность, и эта смерть – начало его агонии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185957-2

© Шарапов В. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Шарапов

Девятый круг

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

Лопата вонзилась в удобренную почву, вывернула пласт. Копатель крикнул, разбил комки. Земля уже оттаяла, поддавалась легко. Садовод со знанием дела формировал грядку под будущий огуречник. Суббота выдалась безупречной, дул освежающий ветерок, по небу плыли облака, похожие на вату.

Дачник отставил лопату, передохнул. Еще несколько рядов, и можно ставить самодельный парник. Ему было за пятьдесят, смотрелся он молодо, даже спортивно. Ростом выше среднего, скуласт, гладко выбрит. Под короткими рукавами полосатой футболки перекачивались крепкие мышцы.

Он украдкой посмотрел по сторонам. Было с утра безотчетное беспокойство, к полудню оно развеялось, но осадок остался.

Все было штатно, даже более чем. Над подмосковным дачным кооперативом раскинулось мирное небо – сегодня как раз очередная его годовщина. Ровно 36 лет назад в пригороде Берлина был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Страна праздновала, кто-то остался в городе, другие по заведенной традиции устремились на дачи. Сам он прибыл сюда час назад, остальные тоже подтягивались – одни на личном транспорте, другие пешком с электрички. Первое время из динамика над садовым управлением звучали бодрые марши, «День Победы» в исполнении Льва Лещенко, потом все стихло.

Дача была компактной, пряталась за ветвями рябин. Шесть соток – вот и все поместье. У крыльца стоял бежевый ВАЗ-2101. Кузов поблескивал свежей краской. За личным транспортом владелец следил: первым делом, добравшись до дачи, помыл машину.

Он снова взялся за лопату. Безотчетное беспокойство возвращалось, портило такой приятный день.

На другой стороне дороги дачники завели пластинку. Поскрипывала игла. «Лишь позавчера нас судьба свела...» – затянул солист ансамбля «Лейся, песня» под управлением некоего Михаила Шуфутинского.

– Бог в помощь, Арнольд Георгиевич, – донеслось с соседнего участка.

Мужчина вздрогнул, но вида не подал. Из дома вышла крепкая в кости соседка в халате и соломенной шляпе, пристроила на свободном от сорняков пространстве громоздкий шезлонг.

– Бога нет, Анна Филипповна, – дружелюбно улыбнулся сосед, – что убедительно доказано советской наукой. Но все равно – здравствуйте. С праздником.

– И вас, Арнольд Георгиевич. – Соседка взгромоздила на шезлонг свои пышные телеса. – Не заметила, как вы приехали. Вздремнула грешным делом – неделя выдалась трудной. Проверки одна за другой, представляете? ОБХСС, народный контроль, кто-то еще, даже не помню... Жорик с вечера привез меня сюда, а сам умчался обратно в город – держать оборону.

– Держитесь, Анна Филипповна, надо выстоять, – сосед иронично улыбнулся.

– Продержимся. – Соседка подавила зевок. – Наша база – передовая в районе, победитель социалистического соревнования. Мы честны перед законом и этим гордимся. А недобросовестные конкуренты, извините уж, они везде... На парад ходили, Арнольд Георгиевич?

– Что вы, Анна Филипповна, пробиться на Красную площадь в такой день – как к рейхстагу в 45-м. Посмотрел по телику, собрался – и сюда. Мои в городе остались: теща, Людмила Олеговна, обещала заехать.

– Ну, конечно, – соседка прыснула, – сразу образуется масса неотложных дел. Радость какая, Арнольд Георгиевич, прошу простить за язвительный тон. Это так знакомо. Матушка Жорика тоже не подарок. Предвосхищаю, кстати, ваше недовольство. Жорик придет и скосит эти одуванчики, на которые вы так недобро смотрите. Ума не приложу, почему они так быстро растут.

– А самой, значит, вера не позволяет, – пробормотал садовод, но так, чтобы соседка не слышала.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» – с драматическим надрывом выводил певец. По дороге вдоль ограды проехал «Москвич» с багажником на крыше. Арнольд Георгиевич проводил его взглядом. Приподняла голову и соседка. Снова поскрипывал черенок, падали комья земли.

– Вы так увлеченно трудитесь, Арнольд Георгиевич, – заметила Анна Филипповна, – мне аж неловко. Хоть самой за лопату берись. Но не могу: не мое. Дачные работы – прерогатива Жорика, в этом вы с ним схожи. Можно подумать, вам зарплаты не хватает купить на зиму овощи.

– Вы не правы, Анна Филипповна, – сосед охотно поддерживал беседу. – Вы давно посещали овощной магазин? Зрелище, уверяю вас, тягостное. Покупать на рынке – накладно. На венгерском «Глобусе» и болгарском кетчупе далеко не уедешь: их еще найти надо и очередь отстоять. Государство дает нам уникальную возможность бесплатно вырастить урожай – знатный, вкусный, без всяких вредных примесей. Наши дачи – те же загородные виллы в миниатюре. Хотите – живите на них все лето, дышите свежим воздухом; не нравится работать на грядках – отдыхайте, жарьте шашлыки, разводите цветочки. Разве это возможно в другой стране?

– А разве нет? – Соседка приоткрыла один глаз.

– Представьте себе. Уж я-то знаю. Хороший знакомый вернулся с симпозиума в Западной Германии. В капиталистическом мире, вы удивитесь, тоже существуют дачи – впрочем, они используют другие слова. Маленькие участки, 3–4 сотки, на них стоят крохотные фанерные домики. Приезжайте, ради бога, отдыхайте от городской суеты. Но, первое: по их бездушным законам в этих домиках нельзя ночевать. Утром приехал, вечером – покинь территорию. Остался на ночь – плати штраф. И второе: на их участках запрещается выращивать сельхозпродукцию. Любую, даже укроп. Считается, что этим вы ущемляете права фермеров.

– Дикость какая, – удивилась соседка, – просто фашизм. Ладно, уговорили, полежу еще немного и пойду искать лопату, если Жорик не запер весь инструментарий в гараже.

– Ступайте, голубушка, – пробормотал садовод, – труд облагораживает...

По-прежнему была заезженная пластинка: «И опять меня обступала мгла, где же ты была...» Ее поставили повторно: песня нравилась населению.

Из далекого переулочка выехала машина, черная «Волга». Она ползла по дороге вдоль ограды. Шуршал гравий под колесами. Двигатель работал подозрительно тихо – редкость для отечественного автомобиля.

Беспокойство усилилось. Арнольд Георгиевич выдернул из земли лопату, очистил ботинком грань штыка – и снова воткнул. Черная машина была уже близко.

Насторожилась и Анна Филипповна, вытянула шею. Облегченно вздохнула, когда «Волга» проследовала мимо ее калитки. А вот у следующей остановилась.

Арнольд Георгиевич почувствовал слабость в ногах. Из машины вышли трое в штатском, но с такими лицами, что документы можно не спрашивать.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» Пластинку заело, голос то и дело срывался: «Вернуть нельзя... вернуть нельзя...»

– Добрый день, – вежливо поздоровался мужчина в опрятной куртке. – Толмачев Арнольд Георгиевич?

– Да, а в чем дело? – голос просел, во рту моментально появилась сухость. Дачник перехватил удивленный взгляд соседки. Анна Филипповна неловко выбиралась из шезлонга, видимо, вспомнила про дела.

– Мы войдем? Не возражаете? – Скрипнула калитка, чужаки по одному прошли на участок. Их лица были безучастны, только тот, что шел первым, механически улыбался.

– Да, конечно, – пробормотал хозяин, – мы всегда гостям рады...

Сердце упало, онемение расплзлось по членам. Он действовал нелогично, но иначе не мог. Оставил в покое лопату, попятился на цыпочках, ступил на дорожку между грядками. Ноги понесли к дому, работало боковое зрение. Гости обходили беседку, пока не ускорились. Он вбежал на крыльцо, споткнулся.

– Куда же вы, Арнольд Георгиевич? – прозвучало в спину.

Все это было глупо, но он уже не контролировал себя. Вбежал в дом, повернул собачку замка и прислонился к стене. Липкий страх расплзся по коже, невидимая удавка сдавила горло. Случилось страшное, и выдержка отказала. По-разному представлял он этот день, во всех ракурсах, не спал ночами, пугая жену. Что делать? Он обливался потом, задыхался от животного страха.

– Арнольд Георгиевич, ну что вы как маленький? – прозвучало с улицы, – Даже неловко за вас. Вы же умный человек, все понимаете.

«Может, ошибка? – мелькнуло в голове. – Перепутали адрес, не туда зашли. Почтеннейшая Анна Филипповна тоже не овечка, и к ней должны накопиться вопросы. Нет, обращались по имени-отчеству, это не ошибка...»

Ведь чувствовал же последние дни: что-то не так – спина чесалась, голова трещала как в тисках.

«Задняя дверь! – осенило. – Бежать! Переулок, овраг, американское посольство...»

Это было форменное безумие. Он миновал на онемевших ногах проходную комнату, выбрался в тесный коридор, заставленный тазами. Задней дверью пользовались редко. Под ногами что-то загремело, покатилося по полу. Звякнул проржавевший крючок. Он вывалился на улицу. Но и здесь его уже ждали.

– Может, хватит, Арнольд Георгиевич? – Субъект с идеальным пробором шагнул вперед, предотвращая отступление в дом. Он вывернул ему руку, Арнольд Георгиевич взвыл, ударившись лбом о косяк.

– Комитет государственной безопасности. Вы арестованы, гражданин Толмачев. Против вас возбуждено уголовное дело по статье 64, пункт «а». Вы же в курсе, о чем эта статья? Не надо сопротивляться, вы прекрасно знали, на что шли. Будьте мужчиной.

Но он не мог такое принять. Разум помутился, руки не ведали, что творили. Бедняга пытался вырваться, хрипел, бормотал, что ни в чем не виноват, что будет жаловаться в Совет министров!

Подожли еще двое, схватили за руки, за ноги, оторвали от земли. Его несли, как мешок с картошкой, при этом даже не шутили, хотя ситуация сложилась комичная. Щелкнул затвор фотоаппарата – велась съемка. За углом Толмачев опомнился, стал просить, чтобы его поставили на ноги, сам пойдет. Люди же смотрят!

Его поставили, взяли под руки. Люди действительно смотрели. Чуть не подавилась Анна Филипповна, прикрыла дверь – оставив, впрочем, щелку. Озирались пешеходы с сумками, идущие с электрички.

Арестованного вывели за калитку. Он сам уселся на заднее сиденье. Двое втиснулись по бокам: подперли задержанного. Водитель занял свое место.

– Надо же, Девятого мая взяли упыря, – хмыкнул один из сидящих сзади, – в великий день.

– Символично, – согласился водитель и надавил на педаль газа.

В помещении с голыми стенами было зябко, неуютно. Единственное окно закрывали плотные шторы. Растекался свет от настольной лампы.

Сидящий на стуле выглядел неважно. За прошедшие трое суток он сильно сдал, осунулся, кожа покрылась серой сыпью. В глазах застыла обреченность. Он сидел, опустив голову. Лицо собеседника пряталось в тени, освещались только руки, перелистывающие бумаги.

– Вы хорошо себя чувствуете, Арнольд Георгиевич? Есть жалобы, пожелания?

– Спасибо, все хорошо... – арестант разлепил слипшиеся губы. Он был одет в спортивный костюм с надписью «Динамо» – не новый, с протертыми коленями. – Впрочем, есть одно пожелание, если это уместно... – Он говорил не поднимая головы, смотрел из-под бровей, сидящих вместе с волосами. – Я три дня нахожусь в одиночной камере, там сыро, темно, я давно не видел солнечного света...

– Вы обвиняете в этом следственные органы? – с иронией отозвался сотрудник ведомства. – Таков порядок, гражданин Толмачев. Зато у вас есть масса времени, чтобы все обдумать и сделать выводы. Хорошо, вечером вас выведут на прогулку, – смилостивилсяследователь, – если вас не смущает постоянно морозящий дождь. Сказать по правде, мы тоже три дня не видели солнечного света.

– Спасибо... Почему меня опять допрашивают? Я же все сказал...

– Не все, гражданин Толмачев. Это были предварительные беседы, их проводили сотрудники смежного отдела. Нас интересует другое. Но для начала пройдемся по общим темам, не возражаете?

На столе, в углу, шелестела магнитная лента: допрос записывался. Стены в помещении имели не только уши, но и глаза – арестант их чувствовал, от этого немела кожа на затылке. Собеседник молчал, с интересом вглядывался в серое лицо предателя.

Тот воспользовался паузой:

– Как вам удалось меня найти? Я всегда проявлял осторожность...

– Мы знаем. Из вашего учреждения несколько лет происходили утечки, но их связывали с другими именами. Мы были удивлены, узнав, что агент Самсон – это вы. Ваше имя назвал перебежавший в СССР агент ЦРУ. Помимо вашего имени, он сообщил другие интересные сведения. Но давайте по порядку. Имя перебежчика оставим в секрете. Удивлены? Бегут не только от нас, но и к нам – в этом нет ничего удивительного. Удовлетворили свое любопытство? Итак, вам 54 года, родились в Казахской ССР... тогда еще АССР. На войну не попали, она закончилась за год до вашего совершеннолетия. Повезло вам, Арнольд Георгиевич. Поступили в Харьковский политехнический институт, по окончании учебы получили распределение в НИИ радиостроения при тогдашнем Министерстве радиопромышленности, где и работали до последнего времени. Женились, есть сын. Отец вашей супруги был репрессирован в 1937 году как враг народа. Он скончался в лагере от болезни, не дожив до 54-х. Не это ли послужило мотивом к предательству? Вопрос академический. Вы проживаете в высотном доме на Кудринской площади – неплохо. Два шага до американского посольства – удобно, далеко ходить не надо... Вы ведущий инженер Института радиостроения, структурного подразделения НИИ приборостроения; крупный специалист в области радиолокации и авиации. Имеете неплохую зарплату – 350 рублей. В каком году, позвольте уточнить, произошло ваше грехопадение? Вижу, не отвечайте: в 1976-м, пять лет назад. Согласно вашим показаниям, вы долго пытались установить контакт со спецслужбами США, в итоге это вам удалось. Ваш контакт – некто Пол Саймон, сотрудник ЦРУ под дипломатическим прикрытием. Он тоже задержан, в ближайшее время будет выдворен из страны. Эти господа – неплохие психологи, не правда ли? Им интересно, почему советские люди идут на предательство. Вы часто беседовали со своими кураторами в безопасных местах. Уверяли, что в душе яростный противник советского строя, имеете диссидентские наклонности. Вам по душе такие личности, как Солженицын, Сахаров, вы полностью разделяете их позицию, выступаете против политики советских властей... Между нами говоря, – следователь усмехнулся, – Александр Исаевич – весьма неприятный тип. И только после этого – махровый антисоветчик. Участвовал в войне, но уже на фронте занимался антисоветской агитацией. А это предательство, согласитесь. И не только в Советском Союзе, но и везде. Отвоюй, победи врага, а потом агитируй, если найдешь слушателей. Тем не менее государство проявило гуманность: Солженицына просто выдворили из СССР

восемь лет назад. Сейчас томится где-то в Америке, ведет разнузданную антисоветскую агитацию, продолжает строчить свои писульки. Литератор так себе, без особых дарований. «Архипелаг ГУЛАГ» написан отвратительно. Мало того, что вранье, так еще и трудно читается, абсолютно неудобоваримый текст. Хороших же кумиров вы себе выбираете, Арнольд Георгиевич.

– Я никогда не говорил о Солженицыне, – пробормотал Толмачев. – Может, упомянул пару раз... Мой ориентир – академик Андрей Сахаров. Это человек, на которого хочется равняться. К сожалению, ничего не знаю о его судьбе.

– Хотите на здоровье, – усмехнулся следователь, – но вам не встать на одну ступень с ним. Согласен, видный диссидент и так называемый правозащитник. Но заслуги господина Сахарова – поболее ваших. Все же водородную бомбу изобрел. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий. И еще один немаловажный аспект: невзирая на свои бредовые и откровенно антикоммунистические взгляды, Андрей Дмитриевич никогда не продавал секреты страны. А уж ему было что продать. С академиком, кстати, все в порядке. После истерики, устроенной по поводу ввода наших войск в Афганистан, Сахарова лишили наград, премий и выслали в город Горький под домашний арест. Всего лишь. С ним поехала супруга. Так что у Андрея Дмитриевича все в порядке, хотя он и отошел от научной деятельности... И если бы вас это действительно интересовало, то знали бы. Но давайте продолжим. Вы пять лет работали на американскую разведку: передавали ей секретную информацию касательно наших РЛС, ракет, зенитно-ракетных комплексов, данные об авионике истребителей СУ и МиГ. Разумеется, вы работали не за деньги – за идею, не так ли? Поддержать свободный мир и нанести вред «империи зла». А деньги – это так... – Следователь отыскал нужное место в протоколе предыдущего допроса. – Лишь «оценка важности вашей работы». Кстати, своей «оценкой» вы изрядно опустошили бюджет ЦРУ. По информации от перебежчика, вы получили только советскими дензнаками 800 тысяч рублей. И два миллиона долларов США осели на депозитных счетах в иностранных банках. Можно только представить, какой объем информации вы передали своим хозяевам за эти годы... Перебежчику нет оснований преувеличивать. В кулуарах западных спецслужб вас прозвали «шпион на миллиард долларов». Вы нанесли колоссальный вред обороноспособности нашего государства. Осознаете, Арнольд Георгиевич, что за это полагается?

Следователь поднялся, обошел вокруг стола, чтобы размять ноги. Арестант втянул голову в плечи. Брезгливая усмешка показалась на губах следователя.

– Не волнуйтесь, Арнольд Георгиевич, бить я вас не буду. Мы не в милиции. Вы умный человек, запах денег вас не одурманил. Несмотря на выплаченные «гонорары», вы жили скромно – как и положено инженеру с зарплатой в 350 рублей. Небольшая дача, «Жигули» первой модели. А хорошая квартира у вас и так была. Мы самокритичны, Арнольд Георгиевич, признаем: кабы не эта случайность, вы бы окончательно развалили нашу оборонную промышленность.

– Прошу вас, только не высшая мера... – Человек на табурете сник, задрожал. – Я никого не убил, не устраивал теракты, жил тихой жизнью... Я всего лишь инженер на предприятии, имею заслуги...

– Что за детский сад, Арнольд Георгиевич? Вы еще поплачьте, скажите, что больше так не будете. Натворили дел – имейте мужество ответить. Впрочем, есть одна тема... – собеседник сделал паузу. – Обещать ничего не буду, но есть возможность частично искупить вину. Что вам известно о проекте «12–49»?

– А он здесь при чем? – Толмачев явно удивился, это не укрылось от внимания следователя. – Да, существует такой проект или, если угодно, крупная государственная программа, заказ Министерства обороны. Ее выполняют предприятия Министерства общего машиностроения. Проект касается разработки и производства ЗРК С-10 «Гранат». Зенитно-ракетный комплекс морского базирования с ракетой КС-122. Это крылатая ракета стратегического

назначения, выстреливается из 533-мм торпедных аппаратов подводных лодок. Данные ракеты поражают цели в глубине обороны противника, действуют по заранее введенным координатам. Крылатая ракета имеет малое отражение радиоволн и может атаковать на малой высоте, что затрудняет ее обнаружение средствами радиолокации...

– Мы знаем, что такое крылатая ракета. Ваша организация занимается этим проектом?

– Нет, – инженер насторожился и как-то подобрался, – по крайней мере, лично я этой темой не занимался. Но представляю, о чем речь. НИИ приборостроения, которому подчиняется и наш институт, является головной организацией для предприятий, занимающихся данным проектом. НИИП разработал систему инерциального управления ракетой КС-122, кое-что еще – это связано с маневренностью, устойчивостью и точностью поражения. Также НИИП готовит технические задания для предприятий-исполнителей. Последние находятся в Сибири, в Н-ске. Там расположена основная производственная база... А почему вы спрашиваете?

– По мнению перебежчика, в Н-ске вокруг данного проекта действует шпионская сеть. Что вам об этом известно?

– Ничего неизвестно... – Толмачев вспыхнул, заерзал на стуле.

– Вам знакомо слово «Звонарь»? Это псевдоним агента в Сибири. Мы не знаем, в какой организации он трудится. Известен лишь факт: у этого человека есть доступ к секретной информации. Он передает ее на Запад уже несколько лет. Ранее он продал другие проекты, сейчас в его «ведении» проект «12–49». Повторяю вопрос: вам знаком псевдоним Звонарь?

– Нет, я ничего об этом не знаю... – Арестант как-то сразу усох, сократился в объеме.

– Эх, Арнольд Георгиевич, – следователь манерно вздохнул, – и вы еще просите о снисхождении. У вас же на лице все написано.

– Но я действительно не занимался этой темой... Прошу поверить, мне нет смысла что-то утаивать... Вы правы, в Сибири действует разведчик... Чему вы улыбаетесь, товарищ следователь?

– Предлагаю использовать правильную терминологию. «Шпион» – слово с ярко выраженной негативной окраской. Как сказали бы в определенных кругах – «плохой человек», «редиска». А разведчик – хороший, наш. Так же, как «повстанец» и «мятежник». В принципе, одно и то же, но это смотря откуда смотреть. Улавливаете разницу? Это так, мимоходом. Со своей колокольни вы правы: для вас он разведчик, свой парень.

– Я его в глаза не видел... – Толмачев опять вспыхнул. – Хорошо, однажды во время беседы с Полом в парке Горького он упомянул этот проект. Завел разговор о новой разработке советских инженеров – крылатой ракете КС-122. Запад заинтересован в проекте: в данной области они отстают. Их «Томагавки» – лишь бледное подобие наших ракет, имеют слабые характеристики. За счет украденных данных они планируют усилить дальность и точность своих изделий. Саймон выразил сожаление, что я не занимаюсь этой темой, иначе их задача бы упростилась. Он упомянул Сибирь, тогда и прозвучало слово «Звонарь» – один-единственный раз. Мне кажется, Саймон просто хвастался. Он обычный человек, падок на слабости; в тот день он много говорил, шутил, мы даже поспорили, чей оборонный потенциал мощнее. С его слов выходило, что агент Звонарь со своей задачей справляется, но есть неудобства: ограниченные возможности агента, огромное расстояние до Сибири, отсутствие там каких-либо посольских учреждений. Тему Саймон не развивал, одумался, закруглил беседу. Но псевдоним агента прозвучал. Поверьте, товарищ следователь, я не лукавлю... Я могу к вам так обращаться?

– Как вам удобно, Арнольд Георгиевич. На каком предприятии в Н-ске действует агент?

– Саймон об этом не говорил...

– Подумайте. Это важно для нас. А значит, и для вас.

– Я все понимаю... – Лицо предателя сморщилось. – Но это правда, товарищ следователь. Сами подумайте, зачем моему контакту откровенничать? Он понимал, что в данном вопросе я бессилен. В Москве частично осуществлялись разработки, не спорю, но этим занимались

другие предприятия. Подождите... – Толмачев беспокойно дернулся, – не сбрасывайте меня со счетов, попробую помочь...

– Только без фантазий, товарищ Толмачев. – Следователь явно поощрял собеседника этим «товарищем».

– Не собираюсь я фантазировать. Просто логика и знания, как работает данная отрасль... – Арестант приободрился. – Давайте заново. Все задания исходят от НИИП. Система управления, система отслеживания, постановка помех и так далее разрабатываются в Москве и передаются в Сибирь в качестве проектной документации, спецификаций, обоснований, дополнительных материалов и тому подобного. Действия согласованы с Министерством общего машиностроения. Все это поступает в проектный институт «Сибмашпроект», где соответствующие подразделения доводят работу до ума и выдают готовую документацию. Она поступает на опытный завод «Точприбор», где расходится по отделам и цехам. На заводе свое КБ, где осуществляется доработка чертежей применительно к текущим заводским условиям. Всю документацию вы там не соберете – лишь фрагменты, не позволяющие видеть полную картину. Проект членится по цехам, а это крупное производство с десятком корпусов: прессовочные цеха, литейные, металлорежущие, термические, гальванические, лакокрасочные. Схемы и блоки производятся отдельно: это точное электронное производство. На заводе может обособиться шпион, но в этом случае это какой-то Фигаро – то здесь то там. Заявляю со всей ответственностью: агент с позывным Звонарь работает в проектном институте «Сибмашпроект». Это крупное режимное учреждение. Там находится вся документация. Доработка, модернизация, замена узлов и механизмов – все в их компетенции. Проект ЗРК и ракеты – это не пара чертежей, это центнеры бумаги! Не что-то застывшее, оно находится в постоянном движении, улучшается, совершенствуется, подгоняется под возможности промышленности. Не знаю, как вам еще объяснить...

Собеседник проявил живой интерес:

– Какова вероятность, что «крот» обосновался именно там?

– Если «крот» существует, то вероятность – девяносто процентов. Никто не хочет усложнять себе жизнь. Ищите специалиста с формой допуска не ниже второй. Первая – у директора и начальника Первого отдела. В институте работают высококлассные специалисты, настоящая техническая интеллигенция. Эти люди способны критически оценивать реальность. Завербовали меня – завербуют и их, в этом нет ничего невозможного... – Толмачев скорбно поджал губы.

– Не судите всех по себе, Арнольд Георгиевич, – посоветовал следователь. – Ну, что ж, благодарю за познавательную лекцию. У вас усталый вид. Идите, отдохните...

Глава вторая

16 мая, суббота

Крякнула утка, за ней вторая, в следующий миг целая стая вырвалась из камышей и подалась через озеро. Что-то спугнуло водоплавающих. Водоем был внушительным, не всякая утка перелетит.

Птицы уселись на воду. Снова наступила тишина – какая-то неустойчивая, временная. Ветра практически не было, водная гладь застыла. Но в небе все было иначе: облака на месте не стояли, плыли, сгущались. С севера подступала страшная темная туча, похожая на бараний курдюк, заполненный жиром. Тишина напоминала затишье перед бурей. Заросли камышей теснились в воде, расступались, образуя пологий спуск. Ивняк перемежался низкорослыми осинами. У воды виднелось свободное пространство, дальше начинались заросли, петляла тропа между деревьями. Монотонно позвякивали уключины, плескалась вода: к берегу подходила плоскодонка с единственным пассажиром.

Мужчина в штормовке и резиновых сапогах вяло греб, направляя посудину в пространство между камышами. Весла застыли, он проводил глазами утиную стаю, покосился на приближающуюся тучу. Снова заскрипели уключины. Взыграла рыба под кормой. Сработал инстинкт: мужчина резко повернул голову.

Лодка ткнулась в берег. Рыболов перебрался через носовую банку, прошлепал по воде. Крякнув, вытащил суденышко на берег – не такая уж и тяжесть для физически развитого человека. Снова глянул на циферблат наручных часов, покачал головой и пробормотал:

– И где же нас носит, Дмитрий Васильевич? Все сроки приличия вышли. Вот и полагайся на таких родственников...

Безмолвие, зависшее над озером, становилось зловещим. Туча надвигалась, оттесняла безвредные кучевые облака. Никакой трагедии в этом не было, грозы – явление скоротечное, а за деревьями рыбака поджидала машина.

В округе никого не было, только одинокий рыболов-любитель. Человек следил за собой, сохранял подтянутый вид – возможно, в прошлом был военным. Он забрался в лодку, вынул спиннинг и досадливо поморщился: леска запуталась, вокруг катушки образовалась «борода». Таковую и за час не распутать. Зачем вообще забрасывал? На блесну ловятся хищники, а в этом озере их практически не осталось.

Помимо спиннинга имелась удочка. Он отнес «пострадавшее» удище в сторону, положил на камни. Пружинящей походкой вернулся к лодке, стал, расставив ноги, посмотрел вокруг. Туча наезжала, внезапно поднялся ветер, затряслись камыши. Вода покрылась рябью. Еще минута – и покроется кругами от дождевых капель.

Спохватившись, он отправился к лодке, выбросил из нее объемный рюкзак. Достал со дна проволочный садок с рыбой. Улов был знатный, десятка полтора – в основном жирные караси. Ловил на червя бамбуковой телескопической удочкой.

Он поднял садок, полюбовался на добычу. Рыба возмущалась, стучала хвостом, шевелились пухлые губы. Улов следовало погрузить в воду, прежде чем бежать к машине. Он достал из лодки заранее заготовленную рогатину с заостренным концом, вошел в воду и стал вкручивать ее в илистое дно. Садок положил рядом – не убежит. Работу прервал шум, возникший за спиной. Кто-то подходил, поскрипывала пока еще сухая глина.

– Ну, наконец-то, Дмитрий Васильевич... – Мужчина разогнул спину и обернулся. Лицо вытянулось от удивления, в глазах мелькнуло беспокойство: – Мы знакомы? Вы кто? Эй, подождите, что вы де...

Удар обрушился на голову – сравнительно мягким, но тяжелым предметом. Искры брызнули из глаз. Рыболов потерял сознание и упал на землю – вместе с первыми дождевыми каплями...

В столице было теплее. Там жарило солнце, расцветала природа. В Сибири же весна события не форсировала: деревья зеленели неспешно, плюс эти неприятные ветра и дожди...

Майор Кольцов поежился, поднял стекло, покосился на водителя ведомственной «Волги». Парень закусил губу, подался вперед, всматривался в дорогу. Проселок петлял между осинами, возникали ассоциации с фронтовой дорогой, по которой подвозят боеприпасы. Недавно по городу и окрестностям прокатилась гроза, почва раскисла. Автомобильная поездка затягивалась. Город давно оборвался, машина погружалась в дикую природу.

Майору недавно исполнилось тридцать пять. Он был сравнительно высок, русоволос, обладал представительной внешностью и толикой загадочности благодаря своим светло-серым глазам.

Машины тряхнуло на ухабе, водитель глухо чертыхнулся, пробормотал:

– Извините.

Кольцов обернулся. На заднем сиденье томились двое, прилипли к окнам – каждый к своему. Оба молодые, хорошо одетые. Вадим Москвин то и дело зевал, деликатно прикрывая рот. Он прибыл с Кольцовым и, в отличие от последнего, в самолете не спал. Хотя предупреждали: время другое, в Сибири будет день, и уже не поспишь. Второй пассажир был из местных – старший лейтенант Славин, брюнет с «усредненным» незапоминающимся лицом. Он повернул голову, изобразил подобие улыбки:

– Скоро прибудем, Михаил Андреевич, пять минут до Тепличного озера. Дорожка – так себе, но надо потерпеть. И с погодой сегодня не заладилось. Еще утром было солнце, тепло – не хуже, чем у вас в столицах. А потом как хлынуло, все пропало. Удивляюсь, что ваш самолет нигде не задержали. Диспетчеры в Толмачево – народ простодушный, могли и в Барнаул отправить, им-то что?

– Пусть только попробуют, – глухо проворчал светловолосый Вадим Москвин и снова с есенинской грустью уставился в окно.

Самолет действительно прибыл по расписанию. Признак дурного тона – отправляться в командировку в пятницу вечером. Но кому-то из начальства не терпелось. В «конторе» выходных не бывает. Дело особой важности – объяснили в высоком кабинете.

Прибыли вчетвером: помимо Кольцова и Москвина – Алексей Швец и Григорий Вишневский. Славин встретил их в аэропорту; хорошо, что один, а то прицеп пришлось бы искать.

«Серьезная команда, – оценил он состав столичной делегации, – неужели настолько все плохо?»

О делах в пути молчали – смотрели на шумный полуторамиллионный город. Даже в субботу улицы не пустовали, на выезде из города образовался затор: горожане рвались на природу.

Управление располагалось на улице с говорящим названием Коммунистическая. Там же, впритирку, – двухэтажное здание ведомственной гостиницы.

– Впервые в нашем городе, товарищи? – поинтересовался Славин. – Оно и видно, сочувствую. Без бутылки в наших хитросплетениях не разобраться. Один центр за неделю пешком не обойдете.

Город раскинулся на огромной площади по обоим берегам Оби. Кварталы частного сектора сменялись жилыми массивами. Над городом высился единственный «небоскреб», видимый с любого места – 25-этажная гостиница на привокзальной площади. Местные товарищи действовали четко – доставили быстро, тут же заселили в «отель», оказавшийся вполне приемлемым. Каждому – свой номер, пусть небольшой, но чистый и с телевизором.

– Балуете, товарищи, – одобрительно урчал Григорий Вишневский, рослый, черноволосый, из породы тех, на кого оглядываются женщины. – А мы по простоте душевной думали: хуже будет...

– Собирай людей, Николай, – распорядился Кольцов, – и рабочее помещение подготовь. Будем в курс входить, уж извиняй за испорченные выходные.

Через четверть часа их испортили окончательно. Михаил раскладывал вещи, когда в проеме показался возбужденный Славин.

– Виноват, товарищ майор. На Тепличном озере обнаружен труп. Тело принадлежит Запольскому Владимиру Кирилловичу – заместителю директора проектного института «Сибмашпроект». Вы упоминали это учреждение. Тема интересует? Жертва, по-видимому, рыбачила. Милиция уже там, обещали до нашего приезда ничего не трогать. Машина у подъезда.

Тема еще как интересовала! В случайные совпадения Кольцов не верил. Открытый чемодан остался в номере, Михаил задвинул его под кровать. Тащить с собой все войско смысла не было – взял Москвина, остальным приказал сидеть и ждать указаний. И нечего шляться по незнакомому городу!

В дороге выяснилось: тело нашли в озерной местности к северу от поселка Кольцово (Москвин тут же прошелся по «однофамильцу»), где недавно открылся научно-исследовательский институт молекулярной биологии. Места глухие, посещаемость низкая – только рыбаки да охотники.

Ближе к месту легкое недоумение вылилось в полное непонимание. Ехали долго, по таким местам, где не то что телефона – прохожего не найти.

– Объясни, Николай, – он снова повернулся, – едем по глухим местам. Для любителей природы, может, и сойдет, но с цивилизацией – полная беда. Допустим, нашли тело. Но как с такой скоростью сообщили в милицию? Где тут телефоны? И как идентифицировали? Рыбаки что, носят с собой паспорта и трудовые книжки?

– Да, странно, – согласился Славин. – Но на самом деле все просто, товарищ майор. Сообщение пришло от товарища Гурского. Товарищ Гурской – подполковник милиции, заместитель начальника городского УВД. Он близко знаком с Запольским. Они даже родственники: женаты на сестрах или вроде того. Договорились отдохнуть в субботу без жен, детей, шумихи. Здесь заповедник, к тому же действует запрет до июня на рыбную ловлю: рыба нерестится. Но кого это смущает?

– Барину можно, – буркнул Москвин.

– Вот именно, – кивнул Славин. – У них, как я понял, свое прикормленное место. Лодку тут держат, лесники за ней приглядывают. Рыбы на Тепличном озере – завались. Гурской опоздал на полтора часа. Говорит, кретин какой-то ночью машину поцарапал, а он в гараж ее не убрал. Пока вызвал своих дружков из ГАИ, пока опросили соседей – время прошло. Запольский, понятно, без дела не сидел, рыбачил в одиночестве. Гурской подтянулся, гроза как раз стихла – а на озере труп. Гурской в шоке. Это же его земля! Говорит, Запольский еще теплый был. «Скорую» вызывать не стал – смог отличить мертвое тело от живого. Побежал обратно к машине. В «Волге» «Алтай-3М» установлен – система автоматической телефонной связи. Дозвонился до дежурного по городу, описал ситуацию. Понятно, что милиция выехала без проволок: не простолюдин все-таки вызвал. Дежурный раскинул мозгами и на всякий случай позвонил в УКГБ. Не просто же труп, а заместитель директора серьезного засекреченного предприятия. Дело, как ни крути, государственное. А если это убийство?

– Снова стечение обстоятельств, – вздохнул Кольцов. – Выпади что-то из цепи – и до завтра бы не узнали.

– Так и происходит, – пожал плечами Славин, – родня переживает, а у милиции свои порядки: пока не убьют, не приходите.

Прогресс неумолимо наступал. Советский Союз был новатором не только в космосе. Именно в СССР впервые разработали систему мобильной телефонной связи, не зависящей от проводов. Устройство было громоздким, состояло из двух тяжелых блоков и могло размещаться только в машине (как вариант, в танке). Удовольствие, к сожалению, полагалось не всем: не хватало радиоканалов. Мобильной связью пользовались чиновники, милицееское начальство, оперативные службы. Устройство постоянно модернизировали, пытались уменьшить габариты; заменили диск кнопками – в самом деле, покрути этот диск, когда преследуешь по ухабам вооруженных преступников...

– Подъезжаем, товарищ майор, – бросил Славин.

Во все края простиралась глушь. Поселок Кольцово с его молодыми микробиологами остался в стороне. Земля не сохла после дождя, машина с трудом пробиралась по раскисшей колее. На повороте водитель сбавил скорость, колеса плыли, вертелись вхолостую. Шофер перешел на пониженную передачу, надрывался двигатель.

Замурлыкал за спиной Славин: «Вот новый поворот, и мотор ревет...» Песня пользовалась бешеной популярностью, хотя к ее создателям и исполнителям у Комитета давно назрел ряд вопросов.

Пространство расширилось, слева показалась поляна. Справа – стена деревьев. Обозначилась тропа вглубь лесного массива – видимо, к озеру.

На поляне стояли «УАЗ» и «Жигули» с милицеескими номерами. За ними «Волга» – тоже с характерными номерными знаками (товарищ Гурской не стеснялся использовать служебный транспорт в личных целях). Особняком от них – зеленый ВАЗ-2102 с кузовом универсал – машина явно новая, не обкатанная и, кажется, понятно, кому она принадлежала...

Майор выбрался из машины – в светлом плаще, в ботинках, надраенных кремом, чертыхнулся: носок погрузился в грязь. Это следовало пережить. Грязь майор Кольцов не выносил органически. Коллеги считали его чистюлей, посмеивались за спиной. Родная жена обзывала конкретно: чистоплюем, смеялась, когда он скупал носовые платки, и даже обвиняла в «грязебоязни». Мнение окружающих его мало беспокоило – таким уж мама вырастила. Иногда, впрочем, закрадывалась мысль: а все ли с ним в порядке?

Михаил перебрался на траву, вытер испачканный ботинок и заспешил за Славиным – тот махал рукой, призывая в лес. До озера было метров семьдесят. Тропу торили явно не сегодня.

Вереница людей вышла к воде. Местечко было живописным – в Москве такого не найти. Гроза ушла за горизонт, в воздухе царило удивительное спокойствие. По зеркальной глади плавали утки, их не пугало присутствие людей. Застыли деревья, камыши. Пейзаж дополняла лодка, вытасенная на берег, а рядом с лодкой – тело.

Оно лежало на боку. Вокруг трупа возились люди, негромко переговаривались.

– Что, Петрович, не приняли в пенсионеры? – хихикал кто-то.

– А тебе какая забота? Поработаю еще, потреплю ваши нервы, – ворчал пожилой мужчина с седым «ежиком», видимо, эксперт-криминалист.

Двое носили форму, остальные были в штатском. Несколько человек курили в стороне. Появление незнакомцев восприняли неоднозначно. Поднялся мужчина, сидевший на камне. Он был невысокий, полноватый, сильно обрюзгший. Носил брезентовую куртку, болотные сапоги с подвернутыми голенищами. Он только что отпил из фляжки, завинтил крышку, сунул в карман и вразвалку подошел к приехавшим. Исподлобья смотрели колючие глаза.

– А вы еще кто такие? Посторонних попрошу удалиться. – У него был неприятный скрипучий голос.

Присутствующие тоже повернулись, посмотрели без радушия.

Михаил вынул удостоверение, показал собравшимся. Мужчина раздраженно поморщился:

– Аа, Москва...

– Она, родимая. – Кольцов убрал документ. – Так надо, долго объяснять. Полагаю, вы – Гурской Дмитрий Васильевич?

– Гурской, – проворчал мужчина, поколебался и протянул руку.

Пожимать не хотелось, но Михаил пожал. От заместителя начальника УВД исходил запах дорогого алкоголя. Чуть не вырвалось: «Горе заливаем, товарищ подполковник?» Гурского не смущало, что обратно придется ехать за рулем, причем долго.

Михаил сдержался. Это как красному казаку запрещать ездить пьяным на лошади. Начинать командировку с конфликта не хотелось.

– Что случилось, Дмитрий Васильевич?

– Не видите, человек умер, – проворчал подполковник. – Свояк мой... – Он отвернулся, глухо выругался. – Запольский Владимир Кириллович, работает... работал в проектной институте... Вот дьявол, беда-то какая... – Гурской смотрел в пространство со злостью. Он был расстроен и выбит из колеи. Алкоголь не врачевал, наоборот, только ухудшал состояние.

– Сочувствую, Дмитрий Васильевич. Родственникам сообщили? У вас же телефон в машине.

– Я сам родственник, – огрызнулся Гурской и скрипнул зубами. – Нет, не сообщил. Страшно, майор, не знаю, как это сделать. Вот сижу, коньяк глушу, с духом никак не соберусь...

– Придется, Дмитрий Васильевич. Мы с вами позднее поговорим, хорошо?

Видя, что ничего не происходит, оперативники возобновили работу. Прибывшие разделились. Москвин отправился к воде, стал с любопытством разглядывать садок, лежащий на дне водоема. Емкость сплюснулась, но рыба еще шевелилась. В метре торчала одинокая рогатина, вдавленная в ил.

Славин покосился на выброшенный рюкзак, заглянул в лодку. На дне лежало весло, бамбуковая удочка. Там же скопилась вода – возможно, дождевая. Один из оперов (видимо, рыбак-любитель) сидел на корточках рядом со спиннингом, непригодным к применению. Катушку опутывала «борода» из лески.

Кольцов приблизился к труп. Сидящий на корточках криминалист поднял голову.

– Комитет государственной безопасности. Все в порядке, товарищи, продолжайте, мы не мешаем.

Пожилый криминалист неопределенно крякнул. Остальные переглянулись. Легко сказать «не мешаем» – уже помешали!

Тело лежало на боку с подогнутыми ногами. Это был жилистый мужчина лет сорока пяти или больше. Глаза были полуоткрыты – видимо, смерть наступила мгновенно. При таком ударе – ничего удивительного. Левая височная кость была раскроена, кровь впиталась в землю, частично смылась дождем – визуально ее было немного. Уключина лодки – стальной наплыв с отверстием – тоже испачкалась. Дождь отчасти смыл следы, но вокруг отверстия осталась желтоватая налипшая субстанция. Смотреть на нее было неприятно.

В горле предательски запершило. Михаил с усилием отвел глаза. Странное дело: весло было извлечено из уключины, лежало вместе с удочкой на дне лодки.

– Других повреждений на теле не вижу, – заключил эксперт, вставая на ноги. – Смерть наступила от удара об уключину, тут и к бабке не ходи.

– Ну, спасибо, Петрович, а то мы тупые, – проворчал приземистый малый в куртке из искусственной кожи.

– Следов, полагаю, нет, – предположил Кольцов.

– Да откуда, – отмахнулся эксперт. – Бедолага скончался еще до грозы. Хлынуло со страшной силой – если что и было, в кашу превратилось. Бесполезно искать.

– Сами-то как считаете – несчастный случай?

– А это, товарищ, не мое дело, – усмехнулся криминалист, – пусть другие считают и версии строят, а наше дело – трупы осматривать, вскрытия проводить да заключения писать.

– Ясный перец – несчастный случай, – сказал малый в кожде. – Камень в землю врос, видите? Ковырялся, видать, в своем барахле, на камне поскользнулся, пытался устоять – и со всего маха виском об уключину. Бывает, не повезло.

– Так метко – прямо об уключину? – засомневался Кольцов.

Оперативники насупились. Они не роптали, но присутствие «посторонних» на месте происшествия их заметно напрягало.

– Так, все понятно, – грузно подошел Гурской. – Убийства не было, еще чего не хватало. Владимир Кириллович погиб по случайности – давайте честно признаем. Операм и криминалистам можно было не приезжать – моя ошибка. Мы же не собираемся выстраивать надуманные версии? Пусть приезжают медики, забирают тело. И ради бога, укройте потерпевшего, что он тут лежит... – Гурской передернул плечами, неласково покосился на Кольцова и побрел к насиженному камню.

Опера продолжали работать. Один из них пристроился на корточки, заполнял протокол.

Михаил отошел, вынул початую пачку «Стюардессы». Сбоку приблизился Москвин, щелкнул зажигалкой.

– Обидно, товарищ майор, – сотрудник понизил голос. – Налог на яйца есть, а на идиотов – нет. Вам тоже кажется, что этих деятелей пора увольнять за несоответствие занимаемой должности?

Майор усмехнулся. «Налог на яйца», как прозвали в народе налог за бездетность, был не лучшим достижением советского строя. От него страдала добрая половина населения. Брели немало – шесть процентов. Поступления в бюджет были колоссальные, но вряд ли это утешало простых граждан. Налог взымали со всех бездетных мужчин от восемнадцати до шестидесяти, в том числе, с женатых, если у них отсутствовали дети. Женщин это тоже касалось – за исключением замужних. Бездетные женатики возмущались такой дискриминацией.

– Посмотрим, – пробормотал Кольцов, – пока трудно сказать что-то определенное. Но в случайности мы не верим – это точно...

Внимание привлек один оперативник, сравнительно молодой, задумчивый. Он подошел к воде, уперся взглядом в садок. Потом не побоялся замочить ноги, поднял за ручку рыболовный атрибут. Рыба еще подавала признаки жизни, ворочалась.

– Хороший улов, – осканился эксперт Петрович. – Вот достанете меня, уйду на пенсию – каждый день буду такие приносить. Демаков, ты бы выпустил рыбку, пусть живет. Кому она теперь нужна?

– Сдохла, почитай, уже не оклемается, – проворчал оперативник, опуская садок обратно в воду. Задумчиво посмотрел на торчащую из озера рогатину. – Имею неприятные известия, товарищи. Судя по всему, это убийство.

– Чего? – поднял голову сидящий на камне Гурской.

– Мне жаль, товарищ подполковник, – вздохнул опер, – если позволите, расскажу.

– Да иди ты, – досадливо крякнул коллега.

– Демаков, тебе больше всех надо? – вскинулся малый в кожде.

– Ладно, дело хозяйское, – пожал плечами оперативник. – Пусть будет несчастный случай. Вас это устраивает, товарищ? – обернулся он к Кольцову.

– Слушаю, – насторожился Михаил. – Есть мысли?

– Здесь все началось. – Демаков ткнул подбородком себе под ноги. – Жалко, коллеги, что не видите очевидного. Потерпевший рыбачил на лодке, клевало хорошо. Мог бы и дальше сидеть, но испугался тучи. Понял, что скоро хлынет, решил переждать на берегу. Доплыл, вытащил лодку на берег. Рыбу в садке решил сунуть в воду, для этого воткнул рогатину. В этот момент его и ударили по голове...

– С какого перепуга? – фыркнул Гурской. – Фантазер ты, Демаков.

– Не били его по голове, – возразил Петрович. – Осталась бы шишка или еще что. Единственное повреждение черепа – в районе виска.

– Садок до рогатины он так и не донес, – невозмутимо продолжал Демаков. – Садок лежал в воде. Стряхнуть его ветром не могло – ручка проволоочная, концы рогатины длинные. Товарищ подполковник, вы бы так поступили? Хотел повесить, но не успел, отвлекли. По голове дали глушаром – все присутствующие знают, что это такое. Мешочек с песком – оглушишь с гарантией, если хорошо треснешь. Следов на черепа не остается. Уголовники такое практикуют – как бывалые, так и начинающие.

– Урка, значит, работал? – насупился криминалист.

– Или тот, кто знает их повадки. Штука небольшая, помещается в кармане плаща. Оглушенного гражданина оттащили к лодке. Убийца развит физически – если, конечно, был один. Следы волочения смыл дождь – даже не ищите. Взял его за шиворот и треснул виском об уключину, после чего пристроил рядом с лодкой – дескать, поскользнулся, разбил голову. Весло снято и лежит в лодке. Почему? Второе на месте – в правой уключине. А потому, что бить по металлу эффективнее, чем по дереву. Достаточно одного удара, если умеючи. Невозможно так упасть, поскользнувшись. Он бы лбом треснулся, а не виском. Да и сила, с которой его приложили, – это с неба надо упасть, а не с высоты собственного роста...

– Ладно, не сочиняй, – отмахнулся Гурской. – Мегрэ хренов. Начитался глупых детективов. Ближе к земле надо быть, Демаков.

– Повторяю, дело хозяйское, товарищ подполковник. – Демаков искоса глянул на «заинтересованное лицо». – Это не все. Чтобы ударить жертву об уключину, преступник взял его за шиворот. Обратите внимание, – Демаков присел на корточки рядом с трупом, аккуратно перевернул его лицом вниз. – Видите, ткань порвана – вот здесь, сзади? Преступник продавил ее пальцами, когда схватил потерпевшего. Капюшон остался под подушкой ладони, а пальцы изнутри прорвали ткань. Брезент так просто не проткнешь, но в данном случае приложили усилие, а штормовка не новая, материал обветшал. Все видят? Дыры, как в кастете, куда просовывают пальцы. Назовите другую причину, почему на загровке у покойного порвалась ткань? Как ее вообще там можно порвать?

Оперативники сгрудились, внимательно слушали. Возразить было нечего. С недовольством подошел Гурской, растолкал людей, тоже уставился. Потом сплюнул, пророчал:

– Тьфу на тебя, Демаков.

– Блин, Андрюха прав, – пробормотал кто-то. – А мы, лопухи, не заметили...

Оперативник снисходительно посмеивался, но самодовольства не проявлял.

Михаил поманил его пальцем. Тот помялся, подошел.

– Наблюдательный ты парень, молодец. Кто по званию?

– Старший лейтенант.

– Негусто... Будешь работать по этому делу. Полномочия получишь, с твоим начальством я договорюсь. Наплюй на него, теперь твое начальство – я, майор Кольцов Михаил Андреевич, Комитет государственной безопасности. Дело, без преувеличения, государственной важности, запомни это. Подбери толковых ребят. Будут вставлять палки в колеса – сразу сообщи, телефон управления я дам. Будут подвижки – тоже звони. Рой землю, но выйди на след убийцы. Больше ничего сказать не могу, сам понимаешь: государственные секреты.

– Хорошо, товарищ майор... – Оперативник растерялся, но явно был польщен. – А что, так можно?

– Нужно, Демаков. Жаль, что в нашей стране разбрасываются ценными кадрами. Уяснил задачу?

Осталось разобраться с «некоторыми руководящими кадрами». Он направился к Гурскому. Тот смотрел исподлобья, сопел от злости. Налог на идиотов этой стране бы точно не помешал...

Совещание он проводил лично, тем же вечером, на Коммунистической. В кабинете, выделенном под нужды командированных, горел приглушенный свет. Под ногами – ковровое покрытие. Со стены бдительным оком взирал Феликс Эдмундович в картузе, с бородкой клинышком – пламенный революционер и основатель знаменитой ВЧК.

Присутствовали прибывшие москвичи и двое местных – старший лейтенант Славин и капитан Некрасов, мужчина лет сорока, спокойный и рассудительный. Ставить в ружье всю местную контору Кольцов не собирался, ограничился беседой с начальником управления полковником Ракитиным, вручил, так сказать, верительные грамоты. Чем меньше посвященных, тем больше вероятность сохранить секреты.

Сейчас он разглядывал постные лица сотрудников. Доводить информацию закончил минуту назад – люди переваривали. На столе стояли чашки с чаем, пепельницы. Вентиляция работала – дым не задерживался.

– Коньячка бы еще, – пошутил в своей манере Григорий Вишневский, но отклика не дождался. Шутить не хотелось.

Планы по созданию в КГБ отдельного Управления по борьбе с промышленным шпионажем оставались пока теоретическими. В недрах 6-го управления (безопасность на транспорте) сформировали засекреченное подразделение «Х», оно и занималось данным вопросом. Майор Кольцов и его люди представляли именно эту структуру.

– Вопрос позволите, Михаил Андреевич? – поднял голову капитан Некрасов. – Какие у вас полномочия в нашем городе?

– Неограниченные, Виктор Алексеевич. В рамках, разумеется, действующего законодательства. Ваше руководство в курсе. С этого дня сотрудников, прикрепленных к нашей группе, не волнуют желания их начальства и прочих властей.

По закону местные органы ГБ подчинялись местным властям. На деле же – центральному аппарату КГБ. Республиканские и областные чиновники фактически не контролировали деятельность собственных органов.

– Есть еще вопросы, товарищи?

– Считаете, агент Звонарь – это погибший на озере Запольский? – спросил Некрасов.

– Пока не знаю. Наши противники в курсе, что Толмачев попался, Пол Саймон задержан, и информация о Звонаре рано или поздно всплывет. Но имени агента Толмачев не знает. Пол Саймон тоже не обязан его выдавать. Его дело – выразить глубокое возмущение произволом советских властей, задержавших добропорядочного дипломата, дожидаться консула, освобождения из-под стражи и выдворения из страны. Возможно, он уже в Америке. Имя Звонаря останется тайной. Наши коллеги из ЦРУ это понимают.

– Тем не менее точно к нашему прибытию гибнет один из руководителей предприятия, на которое мы хотим обратить внимание, – заметил Алексей Швец, мрачноватый мужчина средних лет с мучнистым лицом. – Вопрос на засыпку, Михаил Андреевич: знают ли наши оппоненты, что в Н-ск выдвинулась группа по поиску Звонаря?

– Знают, – кивнул Михаил, – иначе как-то неудобно за наших американских коллег. Поэтому будьте осторожны. Запольского убили, это никакой не несчастный случай. Нас могут увести со следа, подставив невиновного. Жестоко, но нашим врагам не до сантиментов. Ничего технически сложного: узнали о планах, задержали Гурского, поцарапав его машину... Неуклюже, топорно, но у них не было времени подготовиться. Вторая версия – Запольский и есть Звонарь. Но странно, Звонарь, безусловно, ценный агент. Избавляться от ценного агента, когда над ним еще не висит дамоклов меч, просто неразумно.

– Может, не последний? – предложил неожиданную версию Вадик Москвин. – Кстати, Михаил Андреевич, в пользу вашей второй версии говорит тот факт, что убийство пытались

замаскировать под несчастный случай. Зачем это делать, если Запольский невиновен? Убили бы открыто.

– А это хитрость, – улыбнулся Вишневский, – лично я так бы и сделал, чтобы запутать расследование.

– В общем, темный лес, – заключил Кольцов. – Милиция пороется, посмотрим на результат. Но рассчитывать на их успех я бы не стал. Утверждение, не требующее доказательств: ликвидировать ценного кадра на оборонном предприятии западные спецслужбы не будут. Используют до последнего. А разоблачат – не беда, информация уже ушла, будут готовить потомство. Либо Запольский не агент, либо, как выразился Вадим, агент, но не последний. Данная версия – так себе. Вряд ли оставшийся шпион будет плодотворно работать, зная, что и его однажды ликвидируют. Поэтому предлагаю закрыть глаза на смерть Запольского и начать поиски Звонаря.

– А как будет Звонарь по-английски? – встрепнулся Славин.

– Мм... Bell ringer. А что, Николай?

– Не знаю, – смутился Славин. – Просто на ум пришло.

– Тогда не мешай работать.

– Что по Гурскому, товарищ майор? – спросил Москвин. – Он прилагал старания, чтобы дело выглядело как несчастный случай.

– И что? – удивился Кольцов. – Меньше всего замначальника УВД хотел бы быть замешан в деле об убийстве. Пусть не напрямую, но все же. К тому же дела семейные, и что там у них... понятия не имею и иметь не хочу. Он вел себя глупо, но логично. Субъект неприятный, но это не делает его фигурантом. Работать в этом направлении не вижу смысла.

– Подобным персонам и так неплохо живется. Они редко становятся фигурантами шпионских дел, – поддержал Швец. – Злоупотребление служебным положением, промысел в неподобающем месте, пьяная езда... что там еще? Ну, супершпион.

– Иностранцев много в городе, Виктор Алексеевич?

– Хватает, – кивнул Некрасов. – Хоть и Сибирь, но третий город в стране. Масса оборонных предприятий, научных институтов, проектных учреждений. Уж молчу про Академгородок, где секретам упасть негде. Город, тем не менее, не закрытый, в отличие от того же Горького или Севастополя. Не все, конечно, иностранцы шпионы. Подавляющее большинство – из стран социалистического лагеря. Из буржуазного мира тоже хватает. Туристы, журналисты, бизнесмены. По возможности их отслеживаем, но на весь поток не хватит ни сил, ни средств. Болгарские строители, индийские медики, преподаватели из Чехословакии. Есть несколько торговых представительств, в том числе капиталистических стран. Продаем лес, уголь, пушнину, получаем детали к железнодорожным вагонам, лекарства, многое другое. Выставки, ярмарки, фестивали. Периодически при торговых представительствах открываются консульские отделы, постоянно мелькают посольские из столицы – у всех, разумеется, дипломатическая неприкосновенность. Промышленный шпионаж, особенно в научных кругах, – явление рядовое.

– Свое придумать не могут, вот и тырят у передовой экономики, – смело заявил Славин. Сотрудники спрятали улыбки.

– Клоака у вас, – усмехнулся Кольцов. – Конечно, не Москва, все светлые головы – здесь. Ладно, шутки в сторону. Главное внимание – проектному институту «Сибмашпроект». «Крот», работающий на американцев, обосновался там. И смерть Запольского это косвенно подтверждает, независимо от того, в деле он был или нет. Есть еще опытный завод «Точприбор»... – Перед глазами лежала карта Н-ска с пометками, Михаил нашел на ней нужную точку, задержал палец.

– Кировский район, левобережная часть города, – подсказал Славин. – Пять минут ходьбы от площади Ефремова. Она же площадь Сибиряков-Гвардейцев.

– Два названия у одной площади? – не понял Кольцов.

– Бывает, – пожал плечами Некрасов. – Чтобы шпионов запутать.

– От завода до проектного института – целая марсианская пустыня, – продолжал Славин. – Предприятие огромное, на нем действует особый режим секретности.

– Так не сковородки производят, – проворчал Кольцов. – На заводе наличие шпионской сети маловероятно – так объяснили столичные эксперты. Во-первых, производство разбито на сегменты, во-вторых, там зверствует... вернее, ответственно работает Первый отдел, и секретность на высоте. Здесь же, в центре города... не сказать, что казачья вольница – надзор осуществляется, но есть послабления и нравы свободнее. Хотя, допускаю, мое мнение не совпадет с мнением руководства института. Шпионам не нужны стальные болванки, готовые изделия и тому подобное. Им нужны чертежи, расчеты, технические обоснования и, возможно, фото макетов. Все, что требуется ЦРУ, находится в институте. Мы получим пропуска и сможем проходить в здание беспрепятственно. Также готовится допуск к материалам и документам. Работы по конкретному проекту осуществляет сводная инженерная группа: конструкторы, технологи, автоматчики, операторы ЭВМ. Это единый коллектив под единым руководством. Надеюсь, территориально они тоже вместе. У шпиона первая форма допуска. Или вторая, но он имеет право получать чертежи и знает проект. Рядовые инженеры нас не интересуют: они разрабатывают отдельные узлы и цельной картины не знают.

– Вопрос, Михаил Андреевич, – поднял руку Вишневский, – как выстраивать работу? Висеть над душой у проектировщиков, заглядывать через плечо?

– Именно, – кивнул Кольцов. – Знакомство с фигурантами, с порядком работы, с нравами в коллективе, беседы с каждым по отдельности – пока на рабочем месте. При необходимости вызывать в управление. Не исключаем наружное наблюдение – в нерабочее, разумеется, время.

– Взбаламутим народ, сорвем сроки выполнения плана – по головке не погладят, – засомневался Вишневский.

– До этого не дойдет. Предвосхищаю ваш вопрос, товарищи. Да, «крот» занервничает, прервет свою шпионскую деятельность. Это неплохо. Пусть беспокоится, допускает ошибки, нам это на руку. Может попытаться скрыться, но не выйдет: где тут ближайшая государственная граница? Против него весь аппарат госбезопасности и милиция. Найдем преступника. Список фигурантов, удовлетворяющих требованиям, будет коротким. В беседах – не важно, с кем: с руководством, с рядовыми ли сотрудниками – ни слова о шпионе в организации. Надеюсь, это понятно? Причина интереса к институту – смерть заместителя директора Запольского, и ничто другое. Можно намекнуть об убийстве. Тогда озабоченность Комитета объяснима и очевидна: напрямую задета национальная безопасность. Намекнем о шпионе – начнется смута. А нарушать работу организации мы не вправе. План не лучший, но другого пока не вижу. Искать лазутчика в режиме секретности – как вы это представляете? Внедрять в коллектив своего человека под видом сотрудника? Месяцы уйдут.

– Завтра воскресенье, – напомнил Некрасов. – Институт не работает.

– Я в курсе, Виктор Алексеевич. Намеряете на выходной? К сожалению, выходные в нашей организации не гарантируются. Соберите все материалы по учреждению «Сибмашпроект» и его руководству. Что за фигура покойный Запольский? Не будем сбрасывать со счетов и товарища Гурского. Его причастность маловероятна, но он может что-то знать. Всё, товарищи. Пока свободны. Напоминаю, Виктор Алексеевич, о нашем списке пожеланий: два парных комплекта портативных радиостанций с возможностью ежедневной подзарядки аккумуляторов, транспортное средство, оснащенное системой «Алтай». Возможно, оружие, но пока не горит...

В номере гостиницы под защитой «дружеских штыков» было невесело и неудобно. Отопление в городе отключили, а с природой согласовать забыли. В однокомнатном номере было чисто, мебель не разваливалась, но о домашнем уюте оставалось только мечтать. Сколько он перевидал этих гостиниц во всех краях необъятного государства – и везде одно и то же. Как и еда в управленческих столовых: вроде съедобно и продукты нормальные, а удовольствия нет...

Что-то подспудно беспокоило. Кольцов блуждал по номеру, но источник тревоги не выявлялся. В этом городе, безбожно разбросанном по сибирским просторам, было что-то протестное, иная атмосфера, с чем он до этого не сталкивался. Вроде все как везде, а вот не совсем...

На журнальном столике стояла пепельница с ясным намеком: курите на здоровье, товарищи офицеры. Только форточку открывайте, имейте совесть... Он покурил, разобрал чемодан, повесил одежду в шкаф. Время не позднее, но выходить в город не хотелось, лучше привести в порядок мысли.

Майор принял душ с тараканами (парочку он зорким глазом точно засек), вскипятил воду для чая. Мелькнула смешная мысль: когда он сам научится собирать чемоданы? Доверишь женщине, а потом удивляешься, почему чемодан не оторвать от пола. Блок болгарских сигарет, кипяtilьник, зонтик, консервы на черный день, миниатюрные шахматы, тройник для розетки, куча лекарств – хотя он не помнил, когда в последний раз болел. Не говоря уж про десятки трусов, носков и прочих изделий легкой промышленности.

Однажды Михаил пошутил: «Противогаз, любимая, забыла положить – резиновое изделие номер один. В жизни всякое ведь может случиться». Только шутка, но супруга вдруг испугалась, и вопрос о резиновом изделии номер два повис в воздухе. Знала, наверное, что это такое.

Замерцал голубой экран, задымила сигарета. По второй программе шли «Спокойной ночи, малыши»! Неизменная тетя Валя, несравненная Валентина Леонтьева, как всегда, наставляла Хрюшу и Степашку. Начался мультфильм – майора госбезопасности хватило на полминуты. Встал, переключил на первую программу. Завершалась очередная серия «Вечного зова». Сериал Михаилу нравился: было в нем что-то душевное, невзирая на излишнюю идеологическую загруженность. Следить за судьбами героев было интересно. Но бесил чекист Алейников со своими извечными подозрениями и обвинениями заведомо невиновных. Он был не пламенным ленинцем, а пламенным идиотом, без устали теребящим людей. Из-за таких вот «товарищей» превратили в концлагерь нормальное государство, выиграли войну – вопреки им, вся жизнь из-за них – не на радости созидания, а на страхе...

Пошли финальные титры, началась программа «Время». Новости зачитывала Анна Шатилова – правильная и положительная женщина, но однажды признавшаяся в узком кругу (у которого тоже имелись уши), что не вступила в партию лишь потому, что лень было учить Устав КПСС. Выводов не последовало, а «благодарные слушатели» только посмеялись в фургоне. В стране все шло своим чередом, выполнялись решения 26-го съезда партии, росло благосостояние народа. Полным ходом шла посевная. Дорогой Леонид Ильич выступил с очередным историческим докладом на Пленуме ЦК и выглядел, как всегда, «бодрым и нестареющим».

Он выключил телевизор, вернулся в кресло, закрыл глаза. Собственное мнение о событиях в стране и мире Кольцов имел, но держал его при себе. Страна воспитала его, дала образование, работу, и это была хорошая страна (несмотря на отдельные недостатки). Он офицер, присягал коммунистической партии, и это судьба.

По-хорошему, стоило выспаться. Предыдущий сон в самолете был недолгим. Он вертелся на кровати, не мог уснуть. Разница во времени просто убивала. А каково командированным в Магадане? От Москвы до Колымского края – даль необъятная. Даже отсюда далеко.

Он уснул, но ненадолго. Проснулся в два часа ночи, и дальше – ни в одном глазу. Вертелся, потом все заново: кипяtilьник в стакане, сигарета. Взгляд наткнулся на телефон на прикроватной тумбочке. Стало стыдно. Порой забываешь об элементарных вещах!

Он снял трубку, попросил соединить с Москвой. Подобная услуга в таких гостиницах – в порядке вещей. Телефонистка не артачилась. Соединение прошло оперативно, зазвучал гудок вызова. Михаил покосился на часы: в Москве половина одиннадцатого, терпимо.

– Не забыл, надо же, – оценила Настя. – А мы сидим где-то в далекой столице, смотрим на телефон с угасающей надеждой.

Супруга работала филологом и иногда загибала такое, что его высшее университетское образование порой казалось церковно-приходским.

– Валюша тоже не спит?

– Валентина Михайловна спит, – ответствовала супруга. – Это я фигурально. Мы немного повздорили, что естественно ввиду отсутствия папы. Но в результате победила дружба, и одна из нас уснула. Но давай про твои дела.

– Устал, – признался Михаил. – Семь потов сошло, пока чемодан с твоими вещами до номера доволоч.

– Но я же люблю тебя.

Логика поражала – он не нашелся, что ответить (кроме унылого «и я тебя»). Количество высших образований на женскую логику не влияло.

– Ладно, все в порядке. Устроили в гостиницу, познакомили с интересными людьми, завтра начинаем работать.

– Завтра воскресенье. Прости, вырвалось. Рассказывай, что у нас в Сибири? Мерзнешь? Зима уже кончилась? Ты хоть что-то ешь? Стоит ли спрашивать про медведей с балалайками на центральных проспектах? Прости за банальность, но мне интересно.

О работе супруга она не знала совершенно ничего. Поговорить за семейным столом они могли только о ее работе. Настя знала одно: муж служит в КГБ.

– Зима еще не кончилась, – подтвердил Кольцов. – Но у всех печки – выкручиваемся. С едой и медведями все нормально: как раз разделали с мужиками тушу, на неделю хватит.

– Неправда, – возразила Настя. – В Сибири никогда не ели медведей. Ни в древности, ни сейчас. Причин воз и маленькая тележка. Во-первых, животное похоже на человека поведением, привычками, строением костей. Только посмотри, как медведи купаются или ловят рыбу – это же вылитые люди. А лесных людей не едят. Во-вторых, брезгливость: как есть того, кто недавно мог съесть тебя? В-третьих, в медвежатине водятся паразиты. Например, разносчики бруцеллеза. В-четвертых, их мясо просто невкусное. Хотя порой встречаются извращенцы-любители...

– Ты у меня ходячая энциклопедия, – похвалил Михаил.

– Скорее, засыпающая энциклопедия, – поправила Настя. – Все, ложись, хватит бодрствовать. Чувствую по голосу: у тебя все в порядке. Я тоже прилягу, если позволишь. Звони чаще, Кольцов, а не только в те минуты, когда не можешь уснуть...

Глава третья

Утро началось феерически. Кольцов покурил на пороге управления, вошел в пустой холл. В здании царила тишина. Очевидно, «работа без выходных» была лишь красивой легендой.

Майор обернулся. На пятки ему наступал Москвин – еще не проснулся, а уже рвался в бой. Видно, хотел оттереть плечом, чтобы первым добежать до кабинета. На горизонте показались Вишневский и Шве́ц – вывернули из-за угла, тоже спешили.

Кольцов первым вошел в здание, показал пропуск дежурному и зашагал к лестнице.

– Подождите, – дежурный выбрался из своего застекленного убежища и припустил за Кольцовым.

– Ну все, товарищ майор, – проворчал Москвин. – Ваш пропуск аннулирован.

– Вы же майор Кольцов из Москвы? – спросил дежурный. – Вам постоянно звонит какой-то Демаков, говорит, вы знаете. День еще не начался, а он уже весь телефон оборвал...

– Демаков? – Михаил не сразу сообразил. – Да, есть такой персонаж. Почему сразу не доложили? До гостиницы три шага.

– Виноват, – стушевался дежурный. – Вчера вы таких пожеланий не высказывали. Я номер записал.

– Позвоню из твоей будки, капитан?

– Да, конечно. Выход в город через «восьмерку»...

– Ну слава богу, товарищ майор, совсем забыли про меня! – раздался в трубке знакомый голос. – Помните ваш приказ выйти на след убийцы? Боюсь сглазить, но, кажется, вышли. Ребята постарались, весь вечер работали и всю ночь. Я сам толком не спал... В общем, я сейчас выезжаю на место...

– Стоп, Демаков, я с тобой. Ты где, в центре?

– Да, я на Каменской, у нас тут типа штаба...

– Жди, сейчас подъеду. Нам вроде обещали транспорт.

– Не стоит, товарищ майор, я на своих колесах, могу за вами заскочить. Вы где? Один поедете или с отрядом? Знаю ваше здание на Коммунистической, кто же его не знает? Буду через пять минут...

– Вольно, товарищи офицеры, – он повесил трубку и насмешливо посмотрел на подчиненных, застывших в замешательстве. – Шве́ц, остаешься за старшего. Ждите Некрасова, он доставит информацию по институту. Задание номер два – подготовить списки всех находящихся в городе иностранцев, в том числе из братских стран. Желательно с фотографиями. Пока не горит, но может пригодиться. Задача сложная, но мы же не боимся трудностей? В общем, удачно провести выходной день. Я – с Демаковым, он, кажется, что-то нарыл. Что смотрим? Вадим, объясни товарищам, кто такой Демаков.

Старший лейтенант милиции прибыл без опоздания. Видавший виды «Москич-408» с вертикальными задними фарами подкатил к тротуару. Водитель резко нажал на тормоз, и машина... заглохла. Демаков не растерялся, заработал ключом. Михаил распахнул переднюю дверцу. К удивлению, она не отвалилась.

– Может, на нашей поедем, а, Андрей? Машина у тебя, конечно, зверь, но...

– Все в порядке, товарищ майор, нормальная машина, садитесь. – С пятой попытки двигатель завелся, и Демаков заулыбался. – Доставим в лучшем виде, товарищ майор. На любой полюс планеты, как говорится.

Михаил вздохнул и втиснулся рядом с водителем. В машине было чисто, но беспорядка хватало: торчали какие-то провода, валялись газеты, но грязь отсутствовала. Это радовало.

Водитель с хрустом переключил передачу и вскоре вывел машину на Красный проспект – главную городскую артерию.

– Не волнуйтесь, товарищ майор, машина хорошая, – уговаривал Демаков, рискованно обгоняя пустой троллейбус, – мне на ней привычнее, чем на этих ваших, новых. Довезу, не пугайтесь. Эту ласточку мой отец покупал еще в 64-м, как раз в тот год их начали производить. Сейчас 408-х уже не делают – в 75-м году прекратили, только 412-е лепят. А зря, машинка нормальная, лучше нынешних. Ломается, конечно, кузов гниет, но все равно хорошая, жалко менять. В следующем году ей восемнадцать стукнет, совершеннолетняя уже девочка...

– И ты сможешь с ней долбаться уже без опаски быть привлеченным... – Кольцов схватился за ручку над головой: водитель снова пошел на рискованный обгон.

Демаков рассмеялся, непринужденно замурлыкал:

– В темно-синем лесу, где трепещут осины...

Дорога пошла на спуск. Справа промелькнул величественный собор Александра Невского, превращенный в фабрику киноплёнки. Пересекли виадук, по которому грохотал грузовой состав. За спиной остался кумачовый транспарант: «Решения XXVI съезда КПСС – в жизнь!» Съезд завершился недавно, в марте, полотнище еще не выцвело. Справа протекала Обь, проступали сквозь сизый туман внушительные опоры Коммунального моста. «Москвич» пронесся между опорами и теперь катил по широкой Большевицкой улице вдоль реки.

– Дорога на Барнаул, – объяснил Демаков. – Ехать минут двадцать, если поднажмем, конечно.

– Надеюсь, ты знаешь, как следует «поднажать», – проворчал Кольцов. – Не забывай, везешь не дрова. Рассказывай, что накопили.

– Все, теперь расслабиться можно, дорога прямая... – Демаков откинулся на спинку сиденья и едва не выпустил руль. В этой машине он действительно чувствовал себя как рыба в воде. – Вы хорошо напрягли наше начальство, товарищ майор. – Демаков уважительно покопился на спутника. – Выделили целую группу со средствами связи, разрешили подключать ГАИ. Район Тепличного озера пропахали и пешком, и на колесах... Ясно, что убийца приехал на машине, оставил ее, а в лес пошел пешком. Там лес-то – метров пятьдесят глубиной, сами видели. Дождлся, пока Запольский отвернется, из кустов выбежал – с глушарем наготове. Тот, может, и засек его, но ничего поделать не смог. Дальше – понятно. Пешком прийти не мог: далековато киселя хлебать. Вопрос: где оставил машину? Вряд ли рядом с «Жигулями» Запольского – это уж совсем башка должна быть оторванная. А выбор невелик: километр назад, километр вперед. Озеро крупное, но не бесконечное. Мы думали, что больше никого там не было, уже отчаиваться стали. Проехали вперед метров восемьсот от того места, где Запольский машину оставил. Дорога изгибается, окаймляя озеро, там лесополоса перед водой совсем жидкая. Вдруг смотрим: люди. Палатка у воды, гамак натянут. Подумали, что браконьеры. Нет, парочка влюбленных, университетские аспиранты. С какой стороны к рыбе или к дичи подходить – даже без понятия. Медовый месяц у них: костер, закаты, гитара – в общем, дело молодое. Нормальные ребята. В пятницу приехали, в палатке переночевали. У них «Запорожец» старенький. Не мерзнут, по цивилизации не скучают, хорошо им в этой романтике. Есть такая порода людей, уважаю их, сам бы туда, да работы много...

Испугались, конечно, когда мы их окружили, девчонка в палатку спряталась и не выходила, говорить пришлось с парнем... В общем, опуская всю эту лирику, имеем в сухом остатке. Прибытия Запольского они, конечно, не видели, потому что находились дальше. Утром засекли, как он на лодке плавал. Добрался до середины озера, там стал и долго рыбачил. Тучи сгустились – и он к берегу подался. Дождь хлынул, наши аспиранты в палатку спрятались. Стихать, вроде, начал. Тут обнаружили, что питьевая вода кончилась, последние запасы в машине остались. Ну, паренек и припустил. «Запор» практически рядом был, за кустами. Взял свою воду, вдруг смотрит: машина слева стоит, но уже на другой стороне дороги. Смутно так из-за кустов проступает. С дороги не видно, а пареньку с его позиции – видно. Особенно передок – темно-синий «Москвич»...

– Негусто, – покачал головой Кольцов.

– Да вы дальше слушайте. Ну, стоит, и ладно. Озеро малопосещаемое, но, бывает, приезжают люди. Хотел уже уходить, вдруг смотрит, к машине мужик подходит. Откуда взялся – не понял, но вроде с левой стороны. В длинной такой штормовке, в капюшоне – лица не видно. Влез в кусты, дверца хлопнула. Завелся, начал выезжать. Оказалось, не «Москвич», а «ИЖ-Комби» – у них передки похожие, только зад скошенный. Начал разворачиваться, чтобы назад поехать, а там грязь по колено – в общем, с первого раза не удалось, побуксовал. Паренька с его «запором» мужик не видел, а вот паренек, пока тот буксовал, разглядел его лицо. Мужчина – основательный, крепкий, небритый, рожка внушительная. Без суеты себя вел, спокойно. Ругнулся, когда колеса застряли, но вывел машину. А когда он зад пареньку показал, тот заметил, что задняя левая фара повреждена – та, что снизу, колпак практически выбит, а еще задняя дверь не закрывается – веревочкой подвязана. Гаишники на трассе не видят, что у мужика сзади, поэтому и не останавливают. А когда проедет, уже поздно. Так что с такими повреждениями можно годами ездить...

– Уже что-то, – кивнул Михаил. – По времени совпадает. Злодей переждал в лесу, пока дождь закончится, потом к машине стал выдвигаться, а машину на всякий случай вперед продвинул. Дело мутное, но, скорее всего, это он. Запольского уложил человек крепкий. Дальше – что? Куда мы едем?

– Нашли мы эту машину, – сообщил отрядную новость Демаков. – Номер парень, конечно, не запомнил, зачем ему это? Проводил глазами и побежал к своей подружке. А про ту машину уже забыл, пока мы не напомнили. Повезло нам, что у этого свидетеля память оказалась почти фотографическая. Он даже портрет подозреваемого набросал – но так, весьма своеобразно. Сразу связались с ГАИ, выдали ориентировку. Город огромный, но синих «комби» не так уж много, да еще с такими повреждениями... Всю ночь работали, патрульным, всем постам ориентировки раздали, гаишники по своим базам работали. Выявили три десятка таких «комби». Приуныли, конечно. Но счастливый случай подвернулся. Есть в поселке Матвеевка дачный кооператив «Волна». Участки нарежали сотрудникам правоохранительных органов. Лет десять прошло – кто-то продал свои дачи гражданским, но немногие. В общем, процентов на 80 это милицейский кооператив. В Матвеевке стройбат дислоцирован – шерстят по дачам в ночное и зимнее время. Поэтому, сами понимаете, патрули в кооператив заезжают часто...

– Это понятно, – кивнул Кольцов, – свои же. А своим помогать надо.

– Точно. Заехали уже под утро, там ворота, а перед воротами стоянка для автотранспорта. Чисто случайно осветили машину фарами. Ориентировка в кармане, вышли, сверили. И напрягаться не пришлось. Сообщили по радию своему начальству, их начальство – нашему. Опергруппа прилетела – только светать начало. Смотрят, стоит среди прочих наш «комби». Темно-синий, задняя фара в куски, задняя дверца веревочкой подвязана. Да еще и колеса в грязи – отмыть не удосужился. Что еще надо? Прямое попадание. Спектакль с мигалками устраивать не стали, машину среди остальных пристроили, а сами рассосались. Обь – рядом, там пляж хороший. Местные дачники купаться ходят, детишки играют. Когда рассвело, пошли по дачам. На одном участке, что выходит к воротам, женщина признала: часто видит эту машину. Одинокий мужик приезжает, приметы совпали; ставит перед воротами машину, а сам пешком – в переулок – он тоже перед воротами. Дача там у него. Въехать в переулок не может: узко очень, вот и ставит у ворот. В этом нет ничего незаконного...

– Перед воротами есть дачи? А зачем тогда ворота?

– Ну да, странная конструкция, – признал Демаков. – В этом городе много странного, вы привыкнете. Изначально был кооператив за общей оградой. Потом начал расстраиваться, а ворота убрать забыли. Подумаешь, беда... Имя дачника сообщить не смогли: мужчина нелюдимый, даже здороваются сквозь зубы. Те, кого опросили, не знают, на какой даче он живет. В

переулке шесть участков. Но явно не крайние. Заходить побоялись, чтобы не спугнуть раньше времени, ждут на выходе к воротам. Приметы знают, если выйдет, сразу приберут.

– А если в другую сторону выйдет?

– Там вроде тупик. Хотя не знаю. Но ребята должны разобраться. Надеюсь, перекроют все выходы. Невеселая возникает картина, товарищ майор – если у предполагаемого убийцы в Матвеевке дача, то вполне вероятно, что он... сотрудник милиции.

– Или бывший сотрудник. Разберемся. Поражаешь ты меня, Демаков, в хорошем смысле поражаешь. После вчерашних бездарных оперов, трясущегося Гурского... Умеете работать, ребята, беру свое мнение обратно. Выйду на ваше начальство, пусть только попробует не поощрить.

– Спасибо, товарищ майор. Не бездари они, нормальные ребята. Только заводятся после хорошего пинка. Гурской, конечно, фигура неоднозначная, но у него такие подвизки в горькоме... – Демаков замолчал: не сболтнул ли чего лишнего?

– Почти приехали, – объявил он через пару минут. Кольцов с облегчением вздохнул.

Пока ехали, ландшафты менялись. Казалось, город обрывался, начиналась сельская местность – и вдруг опять вырастали многоэтажки, промышленные предприятия. И так несколько раз. Казалось, город никогда не кончится.

Машина стояла перед светофором. Демаков включил правый поворот. Перед капотом застрял неповоротливый автобус «8-й экспресс». Загорелся зеленый, но водитель никуда не спешил – начинал движение плавно, враскачку. Демаков занервничал.

– Подтолкни его, – посоветовал Михаил, – чего он плетется?

Наконец свернули. Замелькали дома частного сектора. Демаков разогнался на третьей передаче. Улица перешла в дамбу. Блестела протока в окружении зарослей ивняка. За деревьями показались крыши садового общества. Демаков схватился за рацию, лежавшую на панели.

– Щербак, вы на месте? Что нового? Прием.

– Сидим, Андрюха, – донеслось сквозь частоту помех. – Пока тихо, этот черт не выходил.

– Спит, гаденыш, – старший лейтенант хохотнул. – Выходной день, трудящиеся отдыхают.

– Особенно мы... Ты где?

– Подъезжаем, я не один.

Дорога резко сворачивала влево. Перед взором распростерлась гладь великой сибирской реки. Теперь дорога тянулась параллельно берегу. Машина затряслась на ухабах...

Конструкция действительно была странная. Арочные ворота из стального профиля – въезд в кооператив «Волна». Просто ворота, никакой ограды. Слева перед въездом – несколько переулков, заросших рябиной и черемухой. Листва уже распустилась, скрывала неказистые домики.

Справа за кустами – река: доносился плеск воды. За спиной на берегу остались гигантские песчаные горы: сюда свозили песок для промышленных нужд. На горе визжала ребятня, кто-то кубарем катился с высоты, удовольствие лучше любого аттракциона! И куда только родители смотрят?

День разгорался, на часах половина одиннадцатого. Справа от ворот стояли машины. Среди них – тот самый «комби». Водитель никуда не спешил. Старый «Москвич-408», пристроившийся на свободном пятачке, гармонию не нарушал. Мелькнула мысль: «А вот ведомственная «Волга» с антенной непременно бы нарушила!»

Двое оперативников переключались из соседних «Жигулей» на заднее сиденье. В присутствии офицера КГБ вели себя смирно, изъяснялись нормальным языком. Ребята были грамот-

ные, в переулочек не заходили, местность, насколько могли, исследовали. С обратной стороны проулочек – не то чтобы тупик, но глубокий лог, деревья, а через лог – крайне неудобная тропа. Люди ходят по ней, но редко, и только те, кому срочно. Тропу с обратной стороны перекрыли полчаса назад – раньше, увы, не вышло. Но теперь все закрыто, красота – мышшь не проскочит. В какой из четырех дач обосновался фигурант, по-прежнему неизвестно.

Вопрос благополучно решился через несколько минут. Хлопнула калитка, из переулка вышла женщина, двинулась в сторону дамбы – видимо, на остановку. Один из сотрудников пошел за ней, остановил, показал корочки и начал что-то говорить. Беседа длилась две минуты. Он вернулся обратно, а дачница, удивленно озираясь, пошла дальше.

– Романчук его фамилия, – сообщил опер. – Зовут, вроде, Олег. Третий участок справа, перед логом. Он всегда машину здесь бросает. Угрюмый одинокий бобыль, ни с кем не разговаривает. Раньше выпить любил, сейчас трезвый ходит. Трудно человеку, совсем злой стал. С соседями не общается, раньше, вроде, в милиции работал... Приехал вчера днем: гражданка видела, как он входил. Потом пропал, спал, наверное, вечером в сарае возился. Сегодня опять видела: в туалет побежал. Опухший такой, страшный: развязал, похоже, мужик. Здесь он, брать его надо. Берем? – оперативник повернулся к «постороннему».

– Берем, – кивнул Михаил. – Но по науке. Он может быть вооружен.

Работали весело, под музыку. За воротами горланила радиолка. «Мы любим наш с тобою старый город, – красиво выводил Ренат Ибрагимов, – который вечно и красив, и молод».

Песня была ритмичной, заводила. Оперативник, пригнувшись, пробежал по переулку, присел на корточки перед оградой, махнул рукой, да еще изобразил что-то дискотечное. Остальные тоже побежали, сдерживая смех. Двое зашли от соседей с их молчаливого согласия, стали проделывать дыру в штaketнике.

Запела несравненная Роза Рымбаева: «Мы связаны с тобой навек одной судьбой...»

Песня была медленной, случилась заминка. Оперативник возился с калиткой, справился, перебежал на участок. Мелькнул ствол пистолета Макарова. «Стрелять только в крайнем случае», – предупредил Кольцов.

Трое перебрались на участок, присели перед фундаментом. Майор примкнул к ним, подобрал полы плаща. Территория была неухоженной, всюду росли сорняки. Пару возделанных грядок обрамляли сгнившие доски. Дача тоже глаз не радовала: обветшала, рассыхалось дерево. На участке было тихо. В доме тоже ничего не происходило.

«Не опоздали ли?» – уколола тревожная мысль.

Но вроде дома был, куда бы он делся... Подтянулись двое со стороны соседей: один присел за ржавой бочкой, второй отправился в обход дома.

Заунывную песню сменил заводной Николай Гнатюк со своим «Танцем на барабане». Снова оживились, пришли в движение, стали подбираться к крыльцу.

Демаков первым забрался на ступени, припал к косяку.

«Когда ты уйдешь, барабанит дождь, барабанит грусть, и погода дрянная...» – с легкой грустинкой исполнял певец.

«Песня профессионального стукача», – почему-то подумал Михаил. Он, пригнувшись, перебежал, припал ко второму косяку. Переглянулись. Демаков обнажил ствол, кивнул.

Оборвался концерт по заявкам. Демаков ударил ногой по двери, она распахнулась. Старший лейтенант ворвался первым, остальные – за ним.

В маленьком домике не было ни подвала, ни чердака. Зато был труп. Он лежал на спине возле осыпающейся печки, в рваных трико, в фуфайке на голое тело, со злостью смотрел в потолок. На животе чернела колотая рана. Вытекшая кровь уже засохла: со времени убийства прошло не менее часа.

– Ну ёксель-моксель... – расстроено прошептал Демаков. – Барабан был плох, барабанщик сдох...

Это было так мило. Выдержка изменила – Михаил со злостью треснул кулаком по стене. Начал глухо выражаться – цензурными, впрочем, оборотами. Опустился на колени, зачем-то проверил у мертвеца пульс, снова выругался.

– Вы поматеритесь, товарищ майор, легче станет, – уныло предложил Демаков. – Никогда не позволяете себе крепкого слова?

– Так, мы сейчас будем обсуждать мои недостатки? – зашипел Кольцов. – Эх, Демаков, Демаков, а я был о тебе такого высокого мнения... Какого хрена вы так поздно заблокировали тропу через лог? Еще утром Романчук был жив, его видела соседка. Потом кто-то сюда прошел через лог – другой дороги у него не было. И соседи его, скорее всего, не видели, потому что крыльцо выходит на лог. Прикончил мужика и спокойно ушел. И только потом вы соизволили поставить на тропе человека... Уйди, Демаков, видеть тебя не могу. Нет, стой. Вызывай криминалистов и медиков. Осмотреть все вокруг, проверить соседние участки. Носом пропахтать тропу через лог: там тоже должны быть дачи. У тебя последняя возможность реабилитироваться. Всё, ступай. И вырубь к чертовой матери эту капеллу! – крикнул он, ткнув пальцем в окно. За воротами снова завели радиолу.

Медики из города добирались долго. Кольцов сидел на лавочке у дома, курил, собирался с мыслями. Шушукались дачники за оградами, но с вопросами не лезли. Опера доложили: дом и участок осмотрели, ничего не нашли. Владелец дачи явно не садовод, все запущено, растет как попало. В доме беспорядок, пустая бутылка водки – странно, что только одна («Человека грохнул, вот и заливал стресс», – подумал Михаил). Соседние участки осмотрели. Дачники хором твердили, что посторонних не видели. Приходил ли кто-то к Романчуку – без понятия. С соседом не общались, и он не рвался. Много лет назад был нормальный человек, потом как подменили. Умерла жена, уволили из органов.

«Вот и направился по скользкому пути», – сделал вывод Кольцов.

И все же была справедливость в этом мире! Демаков привел женщину лет сорока – милую, явно прямо с грядки: испачканную и с остроносой садовой лопаткой в руке. Женщина робела, испуганно смотрела по сторонам. Спихватилась, стала засовывать инструмент в карман болоньевой куртки.

– Прошу любить и жаловать, Михаил Андреевич, – торжественно объявил Демаков, – Тобольская Виктория Павловна, инженер по технике безопасности на заводе «Сиблитмаш»... Я расскажу за вас, Виктория Павловна? В целях экономии времени, так сказать. Виктория Павловна – образцовая огородница. Ее дача сразу за логом. Вы бы видели, Михаил Андреевич, какой у нее порядок на грядках... Напомните, Виктория Павловна, почему вы отправились в лог полтора часа назад? – Демаков для уверенности посмотрел на часы.

– Труба, – напомнила женщина. Природная застенчивость не помешала ей украдкой улыбнуться.

– Да, труба, – вспомнил Демаков. – Элемент разветвленной поливочной структуры. Она проложена через лог, идти там нужно прямо по ней, по-другому никак. Поливочную воду не дают, паразиты, – Демаков сокрушенно вздохнул. – В трубе свищ, а заварить некому. Сварщик уволился, нового еще не нашли. Виктория Павловна решила посмотреть: может, заварили? И на тропе столкнулась с незнакомцем, который шел со стороны реки. Он был закутан в плащ, на голове капюшон – но они столкнулись практически лоб в лоб, и Виктория Павловна рассмотрела его лицо. Наш клиент, Михаил Андреевич. Обычно люди здесь не ходят – проще и быстрее обогнуть эту «полосу спецназа»...

– Может, Виктории Павловне дадим слово? – предположил Михаил.

– Давайте, – согласился Демаков. – Вступительная часть завершена.

– Но я уже рассказала все, что запомнила... – женщина волновалась. Видимо, аббревиатуру из трех букв Демаков все же произнес. – Хорошо запомнила его лицо, но не знаю, как описать... Он так посмотрел на меня, словно убить хочет... Такой колючий взгляд... На тропе

практически не разойтись. Я на трубу встала, он мимо пролез. Потом обернулась, а он уже далеко. Легче стало на душе. Может, у человека случилось что...

– Опишите его подробно.

– Ну, не знаю... Ему лет сорок, примерно вашего роста, тонкие усики под носом, глаза такие маленькие, неприятные... И что-то странное в лице, не могу объяснить...

– А вы попробуйте.

– Нет, не могу, извините. Вроде, такое же лицо, как у всех, но что-то с ним не так... Это не дефект, не какая-то индивидуальная особенность...

– Вы прямо интригуете, Виктория Павловна.

– И еще, – вспомнила женщина, – он был в перчатках. В тонких кожаных перчатках. Я еще удивилась, вроде, тепло, перчатки давно никто не носит...

– Сможете его опознать?

– Конечно. Если увижу, сразу опознаю...

– А если поработаете с художником? Будете описывать ему все, что вспомните, а он с ваших слов составит портрет человека. Технология называется «составление фоторобота преступника».

– Понимаю, что вы имеете в виду. В одном фильме я это видела... Вряд ли смогу вам помочь. Зрительная память хорошая: если увидела, то уже не забуду, но вот описать по памяти лицо... Да и дел много на даче. Скоро семью кормить обедом. Муж уже волнуется: пришел милиционер, похитил жену... Нет, не смогу вам помочь.

– А так сможете? – Михаил показал удостоверение. Не любил он этого, последнее дело – использовать власть. Но часто приходилось, как без этого? Люди реагировали по-разному: кто-то пугался, другие погружались в протрацию, но нужный эффект всегда достигался.

– Так – смогу, – обреченно вздохнула женщина. – Разве есть выбор?

Она напряглась, обняла себя за плечи: санитары на носилках выносили с дачи тело. Застряли в узком проеме, чертыхались. Носилки накренились, из-под простыни вывалилась рука со скрюченными пальцами.

– Вам придется проехать с нами, Виктория Павловна. Это ненадолго. Демаков привезет вас обратно, вы успеете накормить своих домочадцев и закончить дачные дела. Вашего мужа предупредят. Демаков, ты же привезешь назад Викторию Павловну?

– Конечно, – отозвался старший лейтенант, но как-то без энтузиазма в голосе.

Через тридцать минут гражданку Тобольскую доставили в управление на Коммунистической. Она робела, стеснялась своего «огородного» вида.

– Все в порядке, Виктория Павловна, – успокаивал ее Кольцов, – вас здесь не укусят и не арестуют. Отнеситесь к этому, как к опыту: в жизни надо испробовать все. О том, что здесь будет происходить, никому ни слова, даже мужу. Есть необходимость брать с вас расписку?

Тобольская побожилась, что никому не скажет. Она что, похожа на дуру? Приятно иметь дело с умными людьми. До общения с местным художником, впрочем, дело не дошло. Мелькнула мысль: а не пойти ли другим путем? Попытка не пытка (как говорил товарищ Берия). Подчиненные в его отсутствие собирали информацию о присутствующих в городе иностранцах, складывали в стопку официальные бумаги, фотографии. На женщину, которую Кольцов ввел в кабинет, уставились с интересом: не сочетался ее внешний вид с организацией, окутанной аурой секретности.

Дачнице предложили сесть, стали показывать фотографии. Внезапно она вздрогнула, напряглась, учащенно задышала.

– Это он...

Сотрудники изумленно переглянулись. В успех вообще не верили. Все случившееся стало полной неожиданностью.

– Вы уверены, Виктория Павловна? Может быть, остальные фото посмотрите?

– Зачем? – женщина передернула плечами. – Это точно он. С этим мужчиной я столкнулась на тропе. Никаких сомнений. А... кто он? Ой, простите, я не должна была спрашивать...

– Спасибо, Виктория Павловна, огромное спасибо. – Кольцов чувствовал растущее возбуждение. Появлялся охотничий азарт. – Вы нам очень помогли, Виктория Павловна. Помните о нашем разговоре. Выбросьте все из головы – ничего этого не было. Вас отвезут обратно на дачу. Москвин, проследи...

Когда Вадим вернулся, в кабинете царило загадочное молчание. Переваривали поступившую информацию. Демаков все же реабилитировался. Потеряли убийцу Запольского, но получили кое-что другое. О совпадении речь не шла. С фотографии смотрел сорокалетний мужчина с правильным, немного вытянутым лицом. Глаза действительно были маленькие, имели еле уловимый азиатский разрез (очевидно, по предкам фигуранта потопталась орда). Тонкие усы под носом оказались не приклеенными – фигурант их носил в жизни. А «странное лицо», о котором говорила Тобольская, – это лицо иностранца. У них другие лица – особенно это чувствует человек, вокруг которого только славянские лица (татарские, якутские – не важно, все равно граждане СССР). Иностранцы – другие. Это трудно объяснить и сформулировать, но так оно и есть. Когда-то больше, когда-то меньше...

– Господин Отто Штейнберг, 41 год, уроженец города Дортмунд, сотрудник торгового представительства ФРГ... – врасляжку произнес капитан Некрасов. – Хм, вот какой он, северный олень... Это же не совпадение, Михаил Андреевич?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.